

The background of the poster is a lush autumn forest with trees in shades of orange, yellow, and brown. A stone castle or tower is visible in the distance through the trees. Two women stand in the center, each holding an acoustic guitar. The woman on the left is dressed in a long, light-colored, laced-up dress, while the woman on the right wears a white button-down shirt and dark jeans. The overall mood is nostalgic and artistic.

**ЮЛИЯ
ЛАВРЯШИНА**

**ГОРОД
НАДЕЖДЫ**

ЭХО ЗАБЫТЫХ МЕЛОДИЙ

Юлия Александровна Лавряшина

Город надежды

Серия «Девочки мои. Психологические романы Ю. Лавряшиной»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74495531

Город надежды: Эксмо; Москва; 2026

ISBN 978-5-04-254659-4

Аннотация

Искренний роман о втором шансе, исцелении души и любви, которая не требует ничего взамен.

Иногда одна песня способна спасти жизнь. Именно так произошло с Асей, сумевшей победить зависимость благодаря творчеству Ильи Романова. Теперь помощь нужна уже ему самому. Но сможет ли человек, привыкший вдохновлять других, принять чужую поддержку?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	44
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Юлия Лавряшина

Город надежды

© Лавряшина Ю., текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

*** * ***

Глава 1

Удастся ли мне объяснить вам? Достанет ли сил вытянуть из себя все жилы, чтобы сплести непростой узор своей любви? Оказалось ли это под силу хоть кому-нибудь из людей? Когда мы твердим, будто некие стихи или история переполнены болью, разве имеем хоть малейшее представление о том, что на самом деле творилось в душе у человека, их написавшего?

Слова разжижают чувство. Ты можешь кричать на весь свет, раздирая горло: «Мне больно! Мне так больно! Невыносимо!» Все равно отсвет в чужой душе окажется унизительно бледен... И тебе захочется стереть его, замазать белой, черной, любой краской, лишь бы спрятать от посторонних глаз жалкий отпечаток своей великой боли.

Может, я сделаю из этой рукописи бумажных голубей и пушу их по ветру... Моя любовь одолеет каких-нибудь два метра – туда, к нему! – и ткнется носом в пыльную обочину дороги. Чем дальше я буду писать, тем больше накопится пыли, ведь с наших улиц исчезают деревья. Маленькие города остаются за поворотом эпохи, как и маленькие люди вроде меня. Путь продолжают сильные и решительные, а мы незаметно умираем вместе с городком, который по своим меркам так же далек от старости, как и я. И тоже страдает молча, продолжая улыбаться утренними окнами, в которых

никто не видит режущей взгляд мольбы: «Мне так больно! Помогите...»

Помогите же мне! Вы – для которых я писала песни. Вы – вторившие им с зачарованными лицами. Вы – упивавшиеся моей болью. Я дарила вам острую радость и светлые слезы. Но я не могу больше... Я сгорела в собственном огне, потому что никто не разделил его со мной. Впрочем, к чему вам было делать это? Самое пронзительное удовольствие люди получают, наблюдая, как сгорает душа художника. И мне этого не изменить...

Он тоже не захотел ничего менять. Главная трагедия человечества проста: желания людей не всегда совпадают. На слух это даже пошло – он не захотел меня. И потому я плету из собственных жил нечто, на чем впору повеситься, ведь каждый изгиб пропитан многовековой прочностью. Все истории на свете так стары, что должны были наскучить, но куда там! Каждому его собственная кажется свежей и сочащейся горячей болью, точно едва полученная рана. Моей уже год, а она дымится паром, как в первый день.

Впрочем, поначалу это была всего лишь ссадина, которой я и сама не придавала значения. Легкая боль даже забавляет: «Надо же! Все еще чувствуется». Я и не сомневалась, что через пару дней ранка затянется и забудется.

Недели и месяцы сыпались крупинками соли и разъедали ее, разъедали до тех пор, пока она не поглотила мое тело целиком. Это не самое страшное. Зачем мне тело, если он его

не захотел? Кому оно может понадобиться? Только не мне.

Моя мечта проста, как все мечты:
Я так хочу однажды не проснуться,
Чтоб наконец-то с болью разминуться,
Что у рассветной ждет меня черты.
В моей мечте всего две буквы: он.
И это все, на что дыханья хватит,
Когда холщовое надену платье
И в нем нырну я в свой заветный сон.
Он не увидит, что чуть-чуть темней
Восход на голубой его планете...
Когда ты свет, то можешь не заметить,
Что в целом свете больше нет людей.
Мне обещали, что настанет час
(Но вот когда – я так и не узнала!):
Мы жизнь свою опять начнем сначала,
И все иначе сложится для нас.

Он. Кто – он? Что – он? Бывает ли в действительности нечто уникальное в людях, которые сводят других с ума? Или это лишь особенность взгляда, на них обращенного? Человек, о котором идет речь, прожил на свете сорок с лишним лет до того момента, как я увидела его, и тысячи людей устремляли на него взгляд, но только к двоим он вернулся бумерангом, нацеленным в сердце, – ко мне и его жене.

Вот и все, правда? Загадка не стоила выеденного яйца: он женат, и ему это нравится. Он женился не по расчету и не

по необходимости, а как только и мог человек, способный свести меня с ума, – по любви.

Его имя Илья, которое значит «мой бог», говорит больше, чем я могу объяснить другими словами. А в фамилии слышится великая обреченность – Романов. Вот вы и догадались! Хотя я еще не сказала главного: он – одно из самых ярких явлений авторской песни, которой пытаюсь заниматься и я. В наших кругах его называют «живой легендой».

Да ведь вы знаете это! Мы одного рода-племени и с юности вместе заслушивались его песнями. Я даже подбирала их на гитаре, дуя на стертые струнами пальцы. Собственная песня родилась у меня всего год назад. Я прочла ее в глазах Ильи. Вы помните его глаза?

Мои верные зрители, я – та, которую вы любите и к словам которой прислушиваетесь, – порождение Ильи Романова. Он существовал и до меня, а я родилась, как причудливое растение, отпочковавшееся от его песни. Какой? Этого я не помню. Я слышала и помнила наизусть множество их к тому времени, когда впервые увидела его. Не вживую. Он взглянул на меня с экрана телевизора, и я почувствовала себя обманутой. Разве этот упивающийся успехом человек может быть тем самым Ильей Романовым, от песен которого у меня разрывалось сердце?!

Я была разочарована и оскорблена. То, как он игриво по-блескивал глазами, обращаясь к публике, сверкал улыбкой и плавно поводил руками, казалось мне отвратительным. Сто-

ило закончиться песне, как в красивой линии его рта проступало таившееся в душе Ильи высокомерие. Потом я поняла: показная надменность была своего рода самозащитой от недоброго отношения. Илья стремился опередить еще ни разу не родившийся в зале свист и всем видом дать понять, что ему глубоко наплевать на наше к нему отношение.

Но в тот день я еще не догадалась об этом, и потому Илья Романов показался мне вполне счастливым и довольным жизнью человеком. А в его песнях звенело одиночество ребенка, которого никто не понимает и не любит.

«Он обманывает меня!» – Я плакала, оттолкнув гитару, а он вдруг взял свою и опять посмотрел с экрана прямо на меня. Этот взгляд был мимолетным, едва уловимым, может быть, никто и не заметил его, кроме меня. Но я захлебнулась его выдержанной годами горечью. Я увидела глаза того самого человека, который проступал в моем воображении из песен. И стало ясно, что обманывал-то он, пытаюсь выглядеть благополучным и счастливым.

Не верьте тому, будто маленькая ложь непременно перерастает в большую. Мое несчастье как раз и заключается в его невозможности солгать в главном. Ему легче остановить свое сердце, чем позволить ему издать неверный звук.

Я опять говорю не то, что думаю на самом деле... В природе не бывает неверных звуков. Они могут оказаться негармоничны по отношению друг к другу, но каждый в отдельности имеет право на существование. Как и любой человек.

Даже самая отвратительная личность создается окружением. Если бы Адольф Гитлер вырос в оазисе среди пустыни и со дня рождения не видел бы ни одного человека, из него не получился бы убийца мирового масштаба. Ненависть не бывает беспредметна. В самом зародыше она уже вектор, ее острие нацелено на кого-то... Акушерку? Изготовителя молочных смесей? Мать, не дающую грудь, потому что ее форма важнее, чем естественный голод новорожденного существа? Мало кому удастся вспомнить, в какой момент лопнула почка, содержащая росток ненависти...

Так же размыта, поглощена бесконечностью и точка отсчета любви. Я купалась в этом чувстве с младенчества. Видимо, в нем я в конце концов и утону, так и не взобравшись на неприступную вершину, которая зовется Ильей Романовым. В детстве волны любви были теплыми, это сейчас от них порой сводит ноги, и тогда я начинаю кричать, захлебываясь болью и страхом: «Помогите мне! Помогите... Вы, говорившие, что любите меня...»

Мне повезло с детством, тогда не было пасмурных дней. По крайней мере, я их не помню. Белые створчатые двери нашей с сестрой детской сияли ледяными зеркалами, а, распахиваясь, не больно слепили глаза острыми вспышками. Белый был единственно возможным цветом, в котором наши с Мариной родители, врачи, могли существовать естественно. Мама и одевалась чаще всего в белое, и рассыпала по плечам снежные пряди. Даже демисезонные пальто покупались

только светлыми, менялся лишь фасон. По нашему грязному городку, где брызги из-под колес разлетались огромными бурыми веерами, мама несла себя как вызов унынию, ставшему будничным для всех, кроме нее.

И кроме отца, конечно. Он не ходил в белом вне больничных стен, но отец сам был протест, вызов, призыв. По утрам именно он распахивал двери в нашу комнату и кричал молодым зычным голосом: «Вставайте, девицы! Читайте классику!» И мы читали. Марину чтение так увлекло, что она сделала это занятием всей жизни. Теперь она работает в отделе прозы одного из крупных московских журналов. А я стала писать сама...

Переродились бы мои стихи в песни, если бы Илья не взглянул на меня с экрана? Знаю, этого не произошло бы. Он произвел меня из своей плоти, как первый мужчина первую женщину. И моя любовь к нему неотделима от его существа. Она была таковой даже до того, как он впервые обнял меня.

В моем чувстве никогда не было ничего платонического, ведь, если наши тела соединялись в воображении хотя бы одного из нас, это уже плотская любовь. Хотя бы одного... А нас двое.

Все мое существо заполнено им настолько, что кажется, будто у меня, как у знаменитого удава из детской книжки, есть только одна мысль и я ее думаю. И знаю: в этот самый момент он, может быть, лежит в постели, и уже знакомое мне тело содрогается от радости. Или от ее предвкушения. Или

он отдыхает, удовлетворенный и уставший. В моем воображении Илья вообще не вылезает из постели, ведь эти сцены – однообразные, как экранная эротика, но в чем-то всегда новые – и ранят меня больше всего. Только что рожденный моей фантазией его нетерпеливый жест... Треск ткани... Незнакомо искаженный страстью рот...

Это наваждение не оставляет меня в покое ни днем, ни ночью. Любовь не бывает привязана ко времени суток. Уже рассвет ласкает ее теплым дыханием, и дневные лучи несколько не рассеивают иллюзии. Однако вопреки движению солнца, которое после зенита охладевает к тем, кого намеревалось опалить с утра, мои грешные помыслы только набираются жара, и к вечеру мозг уже готов расплавиться. Какая часть меня пропитана любовью сильнее всего? Сердце? Мозг? Женское естество? Я еще жива, не делите меня на части, как освежеванную тушу. Да меня и невозможно разделить, ведь я накрепко, словно воском, слеплена своей любовью.

Пушкин ничуть не преувеличивал: «Ты чуть вошел, я вмиг узнала»¹. Так оно и бывает. Правда, мое узнавание прошло несколько стадий. Вначале было Слово. Его слово вошло в меня и жадно впиталось всей моей кровью. Потом он посмотрел на меня со сцены и – мне одной! – приоткрыл тайну своего Вселенского, как у всех художников, одиночества. А когда он (уже настоящий, живой, в длинном плаще,

¹ Пушкин А. С. Евгений Онегин.

но с непокрытой головой) вошел в переднюю квартиры, где я ждала его, это было уже не открытие, не узнавание – но подтверждение. Спокойное, с оттенком обреченности: «Да, это он. Только он один».

Он. В тех языках, которые оставили в моей памяти по паре самых распространенных слов, это местоимение короче слова «она». Что-то добавляется к мужчине, и получается женщина. Производная от него, его порождение, но вместе с тем обогащенная новым звуком. Он – она.

К чему эти лингвистические изыски? Не попытка ли это утешиться за счет унижения человека, подняться до которого ты не в силах? Я солгала бы ради него. И украла бы. И убила. В чем же мое превосходство? Его не существует между полами вообще. Только между отдельными людьми. Один из двоих обычно оказывается сильнее. Но это необязательно мужчина.

Я сама недоумеваю: откуда взялась во мне эта молекула безумия, как сумела прокрасться в организм, если мои родители вполне здравомыслящие и довольно ироничные люди? Их я всегда воспринимала скорее как друзей, преданных друг другу, чем как любовников. Над чужими романами они вместе беззлобно посмеивались, а когда из-за любви рушились семьи, называли это не иначе как сумасшествием. Может, наши родители просто делали вид, будто слегка презируют малообъяснимое с научной точки зрения чувство из страха, что самим его изведать уже не доведется? Все нере-

ализованное ими досталось мне...

Никогда еще слова не давались мне с таким трудом. Каждое рожаю в муках, как обещал Господь, когда я возлюбила не той любовью, какую Он даровал людям. Я помню сильное, рвущееся к облакам дерево, под которым, невинно раскинувшись, лежал он – единственный мужчина на всем белом свете. И я принесла ему яблоко...

То, что с тех пор прошли столетия, ничего не изменило: на земле по-прежнему существует лишь один мужчина. Моя проклятая Богом любовь, моя песня, мое вдохновение, мой бесконечный сон. Я не хочу просыпаться. Не уходи из меня...

Глава 2

Уйти. Ото всех. От себя. Он боялся себя куда больше, чем других, потому что это уже был не он. Того удачливого, талантливому Ильи Романова, какого знал весь свет, больше не было. Он едва не кричал от ужаса, глядя в зеркало, которое в насмешку подсовывало ничуть не изменившееся отражение. Трещины, от которых раскололось то, что составляло его истинного все сорок три года, не смог бы различить даже самый пристальный взгляд. Он привык ощущать на себе эти взгляды. Многие не были влюбленными или хотя бы доброжелательными, однако Илья давно научился самостоятельно зализывать раны. Но вот с той, что донимала его сейчас, никак не удавалось справиться.

Даже засыпая или едва открывая глаза на рассвете, Илья сжимал и разжимал левую руку, прислушиваясь к ощущениям, которые с каждым днем становились отчетливее. Но боль была вполне терпимой, пока он не брал гитару. Однажды струны внезапно пустили шипы, и пальцы пронзило судорогой. Романов вскрикнул и впервые уронил инструмент. И гитара этого не простила... Теперь судороги возникали каждый раз, когда он прикасался к ее гладкой длинной шее, как немедленная кара за прелюбодеяние, которое Илья совершал с ней прежде несколько раз за день.

В последние же два месяца, даже когда он не играл, в ми-

зинце часто возникало тягучее напряжение, которое стремительно сгущалось, одновременно растекаясь по руке до плеча. Илья сжимался от боли, чувствуя себя маленьким, одиноким и совершенно беспомощным перед этим неведомым врагом, подточившим его изнутри.

Будучи фаталистом, он даже не подумал бороться, бежать к врачу, искать какие-то средства. Илья сдался без боя, сделав вывод, будто сама судьба решила прервать его победоносное шествие по жизни. Ему и так повезло больше, чем громадному большинству людей, которые мечтают иметь хотя бы что-нибудь одно из длинного перечня того, чем обладал Илья Романов.

Но учиться смирению еще только предстояло, ведь мысли о будущем подавляли его, заставляя задыхаться от страха и метаться по крошечному кабинету, из которого больше не существовало выхода в мир. Кто-то когда-то (Илья даже не заметил – как?) заколотил его грязными досками, и теперь он чувствовал себя заживо похороненным, обреченным видеть перед собой только неструганое дерево до тех пор, пока не кончится кислород. Илья был уверен, что его немного осталось – так часто горло пережимало спазмом.

Невозможность играть подкосила его настолько, что он и написать ни одной песни не мог. Хотя бы только стихи... Прошла весна, заканчивалось лето, и уже приходилось надевать плащ, а Илья не обнаруживал в себе ничего, кроме нарастающего ужаса. Подобное ощущение пустоты было аб-

солютно незнакомо ему. Все узнанные годы казались спаянными воедино тем состоянием непреходящего волнения, которое принято называть вдохновением. Романов постоянно сочинял что-то и нашептывал про себя или напевал, и радость, наполнявшую его жизнь без зазоров, воспринимал естественной. Его заботило лишь одно: как бы не повториться – мелодией, мыслью, рифмой, – ведь песен уже было написано так много...

Теперь же новых не рождалось, а старые вызывали у него отвращение, потому что виделись цветами на его собственной могиле.

«Я умер», – говорил он себе и, как ребенок, весь дрожал от горя, не находя, к кому бежать за помощью. Он сказал жене о боли в руке, но умолчал о том, что ее острие упирается в сердце. Илья чувствовал, как умирает, ведь жить больше было незачем. Если бы он заикнулся о подобном Виктории, это убило бы и ее. Ведь все эти годы она верила, будто Илья живет для нее так же, как она для него.

Обидеть жену Илья не мог, она этого не заслужила. И потому продолжал улыбаться и дурачиться, как мужественный актер, который доводит роль до конца, истекая кровью. Переложить на кого-нибудь хотя бы часть тяжести, обрушившейся на него, Илья не считал возможным. Но ему хотелось этого...

Однако жена для этого не годилась. Вынужденное бездействие Илья даже радовало ее: теперь муж проводил вечера с

ней у телевизора, а не у себя в кабинете. Иногда Вика, правда, ловила его на том, что он смотрит невнимательно и даже не может сказать, в каких отношениях между собой те или иные герои.

– О чем ты думаешь?! – возмущалась она. – Такой интересный фильм!

– Да? – рассеянно спрашивал Илья и снова уходил куда-то, хоть и продолжал сидеть в кресле.

Но для Вики это было лучше, чем проводить время в одиночестве, постоянно слыша, как муж что-то бубнит под гитару. Ей не удалось убедить его писать песни для «простых людей», как она говорила. Подобные тем, что сутками звучали с экрана.

– Тебя же совсем перестали показывать! – восклицала Вика с отчаянием. – Потому что твои песни никто не понимает. Даже я.

Он отвечал сквозь зубы:

– Ты – не даже.

Она не сумела объяснить себе, что это значит.

Виктория прекрасно видела, как он мучается, но воспринимала его страдания как неизбежную болезнь роста. Илье уже за сорок, а всенародная слава так же далека, как и в дни их молодости. И, значит, нужно что-то менять, приспособливаться к действительности. Не писать же в угоду тем нечесаным юнцам, которые один за другим таскаются в их дом!

Ее заботило вовсе не то, что они до сих пор живут в мало-

метражной квартире и не имеют возможности ужинать в ресторане. Но Виктории хотелось, чтобы ее муж вел тот образ жизни, которого заслуживал. Она чувствовала: заслуживал, хотя за все эти годы Илья не создал ничего, по ее мнению, значительного. Ведь ему не вручили ни одной из тех многочисленных премий, которые раздавали в роскошных залах другим певцам.

Когда Вика смотрела эти завораживающие своим блеском церемонии, ей с трудом удавалось сдерживать слезы. Она представляла, как ее муж мог бы так же выйти в белом смокинге из переливающегося в лучах прожекторов лимузина и перед телекамерой подать ей, Виктории, руку. Это походило на сказку, но Вика знала, что она могла осуществиться. Если бы Илья переборол свою гордыню и начал писать другие песни.

Иногда ей удавалось вытащить Илью из кабинета в надежде раззадорить, когда на экране вручали награду какому-нибудь исполнителю, но муж с недоумением пожимал плечами: – Слушай, госпожа моя, неужели ты в самом деле не понимаешь? Я же не имею с ними ничего общего! Ты только послушай, о чем они поют... Я ведь занимаюсь совсем другим делом. Тебе нужна эта мишура?

Но ей самой ничего не было нужно. Виктории хотелось, чтоб ее мужа любил каждый человек в этой стране. Любил так же, как любила она сама. А соседки по двору даже не знали, что Романов считается одним из лучших авторов и ис-

полнителей песен. Илья думал о людях лучше, чем они были на самом деле, и считал, будто все вокруг такие же умные, как он. Вика называла его неисправимым идеалистом.

В последние месяцы, когда жена уходила на работу, а дети разбегались по институтам, Илья, боясь оставаться с собой наедине, часами слонялся по Петербургу, который с самого рождения стал для него средоточием всей земной радости. Ведь здесь он работал и работал, без утомительных перерывов, как только и мечтается каждому художнику, если он по-настоящему любит то, чем занимается. Многие удивлялись, почему, уже будучи известным, Романов не перебрался в столицу, где обрел бы гораздо большую аудиторию хотя бы благодаря телевидению, но Илья просто боялся оторваться от родной почвы, в которой, как ему представлялось, и таился источник вдохновения.

Он знал десятки людей, которые прожили половину жизни, даже не подозревая о том, что и в их душах имеется крошечное углубление, способное наполняться той животворной влагой, без которой Илья задыхался. Эти люди не только жили, но и бывали счастливы, по крайней мере довольны. Раньше Илья даже не представлял, как пуста может быть жизнь, как на самом деле неотличим один день от другого, как тягуче уныние, в котором ложишься спать и открываешь глаза. Он не подозревал, что именно этим и живет большая часть человечества, ведь сам жил иначе и засыпал, волнуясь от нетерпения начать новый день, полный стихотвор-

ных находок и музыкальных открытий. Жажда жизни бурлила в нем, подгоняя кровь и заставляя сердце влюбленно замирать. И так было много-много лет. До последнего времени...

Насчет Петербурга он ошибался. Во внешней жизни его ничто не изменилось. Илья оставался в том же городе вместе со своей семьей, а волшебный источник внезапно иссяк. И он не представлял, как наполнить его вновь. Бродя по городу, который, будто вытягивая силы из своего певца, все хорошел, Илья то и дело оказывался неподалеку от клуба авторской песни, где его всегда встречали как живую легенду. Испытывая от этого неловкость, он редко туда заглядывал, но сейчас его так и подмывало распахнуть металлическую дверь и заорать во весь голос:

– Приглашаю всех на поминки Ильи Романова! Будет весело, ей-богу!

За те двадцать с лишним лет, что он занимался самодеятельной песней, ему сотни раз приходилось отвечать на необъяснимый вопрос: почему в его песнях столько трагизма?

«И в самом деле, – ставил себя Илья на место слушателей. – Уж ему-то отчего страдать?»

Со стороны Романов казался одним из тех редких, скорее даже исключительных, людей, все мечты которых сбываются. Еще в юности он не хотел заниматься ничем иным, как исполнять собственные песни, и это сбылось. Ему хотелось

стать знаменитым, жениться по любви на красивой женщине, которая родит ему детей. Все это Илья получил. Природа не обделила его ни здоровьем, ни привлекательностью. Свои сорок три года он прожил честно, что тоже редко удается, и тем не менее не был ни беден, ни слишком богат, чтобы опасаться завтрашнего дня. Старший брат любил его скорее как сына и ради Ильи создал в свое время студию звукозаписи, которая теперь кормила обоих. Словом, Илья Романов был человеком, познавшим абсолютное счастье.

Отыскивая ответы в строгих чертах города, Илья склонялся к мысли, что боль, которая всегда начинала звучать в нем вместе с новой песней, была отсветом боли грядущей. Еще не пережитой, но обещанной. И вот теперь наступала пора узнать ее наяву. Однако Илья оказался не готов к ней, как почти всегда человек оказывается не готов ко всему незнакомому. На свете существовали тысячи людей, считавших Илью Романова личностью уникальной, отмеченной Богом, но, вступив в отчаяние, он повел себя как самый заурядный человек. Он запил.

Еще не позволяя себе напиваться до бесчувствия, главным образом чтобы не огорчать жену, Илья останавливался на степени, близкой к сумасшествию, и знакомая зрителям улыбка снова кривила его губы. По пути домой он наведывался на студию к брату, и тот неизменно встречал его укоризненным восклицанием:

– Ну, малец! Ты опять надрался!

Михаилу не терпелось докопаться до истины:

– Да чтостряслось-то?

Если бы Илья ответил правду: «У меня болит рука», – это ничего не объяснило бы. Ведь на самом деле боль жила не в руке, а в каждой клеточке, каждой частице того, что составляло Илью Романова. Но если бы он сказал то, что чувствовал: «Я умер», – брат, пожалуй, совсем перестал бы его понимать.

Михаил был человеком практического ума и к песням брата относился как большинство людей к «Джоконде»: они помнят, что это шедевр, хотя и не находят в ней ничего особенного. Он честно признавался:

– У меня мозгов не хватает тебя слушать.

Но при этом был уверен, что как раз такие песни и должны пробиваться к людям. По этому поводу они часто спорили с Викторией, которая считала песни мужа чересчур сложными, перегруженными образами и символами. Она просто-душно заявляла:

– Зачем все эти шифры? Прямо голову можно сломать... Илюша, теперь ведь все говорят в открытую! Ты писал бы попроще.

Обычно Илья только посмеивался и не принимал участия в их спорах, но однажды Виктория попала под горячую руку, и он завопил:

– Что ты понимаешь в этом, дура!

Опомнился Илья быстрее, чем она успела обидеться, и

взмолился:

– Прости, Хаврошечка! Я совсем не считаю тебя душой!

Он звал ее так, потому что Вика была маленькой, проворной и домовитой. Ему нравилось время от времени чмокать ее яркие, сочные губы, даже не раскрывая рта. В сорок лет она выглядела как девочка с черным хвостиком на макушке и пушистой челкой, которую Вика то и дело сдувала с глаз, смешно выпячивая нижнюю губу. Взлетала челка, взгляд быстро перебегал с одного предмета на другой, руки ловко метали на стол тарелки, вилки, ложки... Все в ней двигалось так стремительно, что Илье хотелось зажмуриться от этого мельтешения.

Вот только мысли отставали... Язык опережал их, и Вика успевала ляпнуть глупость прежде, чем понимала, что это глупость. Нет, она понимала в конце концов, но всегда с опозданием.

– А куда тебе спешить? – вступался за нее Илья перед ней же. – У тебя чудовищно длинная линия жизни.

Виктория догадывалась, что в такие минуты он больше думал о своей линии жизни, которая на правой руке прерывалась в самой середине, а дальше продолжалась неясным штрихом. Вика уверяла: это ничего не значит, надо просто бережнее относиться к себе. Но ей самой от этих разговоров становилось так страшно, что у нее кривились губы, и тогда Илья начинал хохотать.

«Я просто заражусь от тебя и стану полным идиотом, да-

уенок ты холеричный», — однажды сказал он, и Виктория впервые обиделась по-настоящему, ведь она и сама считала свои умственные способности ниже средних. Правда, в бухгалтерии, где она работала уже тринадцать лет, неповоротливость ее мозга принимали за обстоятельство и ценили как серьезного, надежного работника. Тем не менее она была не настолько глупа, чтобы не удивляться этому.

Если бы не столь неприятное обстоятельство, Виктория считала бы себя вполне счастливой женщиной. Илья капризничал и показывал характер так редко, что она недоумевала, откуда взялось убеждение, будто трудно жить с людьми, занимающимися творчеством. Ее раздражало одно: их жизнь была просто переполнена какими-то типами, которые являлись к ним домой и наперебой расхваливали Илью, а он так и расцветал, как жадное до влаги растение.

Памятуя о том, что одним добрым словом сыт не будешь, однажды Вика тайком намекнула гостям: их любимец все чаще сидит на одной картошке. С тех пор без гостинцев к ним никто не являлся, и стало ясно: эти ребята как-то связаны между собой. Словно у Ильи существовала некая тайная семья, которая поддерживала и подкармливала его. И порой Вика начинала побаиваться, как бы его не утянули совсем.

Илья радовался подаркам, как ребенок, и после ухода очередных визитеров еще долго восклицал:

– Слушай, какие ребята! Я готов петь для них даром, ей-богу! Лишь бы они находили для меня такие слова.

Вика ловко вставляла:

– И кусочек сала.

Усмехнувшись, он соглашался и звал детей угоститься.

В памяти Вики их гости давно перетасовались так, что стали единым зрительным залом, к которому обращался ее муж. Его-то она видела ясно, какой бы давности эпизод ни вспоминала. На лицо Ильи она могла смотреть часами, хотя оно было перед ней уже двадцать лет. Он знал об этом и берег жену как прочный стерженок своей жизни.

Только вот теперь эта самая жизнь сама ухитрилась соскользнуть и зависла в пустоте.

Прежде чем нажать кнопку звонка, Илья собрался и несколько раз улыбнулся, чтобы губы не подвели, когда он предстанет перед женой. Он готовился к встрече с ней, как клоун к выходу на манеж: «А вот и я!» И еще не ступив на порог, уже мечтал о той минуте, когда выберется отсюда и ладонью сотрет с лица грим.

Защелкал замок. Илья поспешно натянул улыбку.

– А вот...

Он осекся, увидев за Викиным плечом чужую женщину, лицо которой в полумраке прихожей казалось неправдоподобно бледным.

– Здравствуй, моя госпожа, – машинально произнес он обычное приветствие и коснулся губами теплой щеки. Ему казалось, будто кожа на лице жены с каждым годом натяги-

вається все туже.

– К тебе пришли, – сказала Виктория тем знакомым тоном, каким обычно давала ему понять, что этот посетитель ей неприятен.

Гостя неуверенно улыбнулась, и в то же мгновение что-то сместилось в сознании Ильи, как бывает чаще всего в детстве, когда мы словно проваливаемся во временную дыру и переживаем нечто уже пережитое раньше. И потрясает при этом не совпадение видимых деталей, а точный повтор ощущений, которые уже испытывал в подобной ситуации.

Илья не сталкивался с подобным с юности... По спине у него пробежал холодок, а сердце испуганно екнуло. Он определенно никогда не встречал женщину, лицо которой запоминалось, хотя она и не была красива. В его тонкости было нечто болезненное, и вместе с тем на нем успокаивался взгляд. Каждая черта в отдельности была невыразительна: небольшие серые глаза, неяркие губы, острый маленький нос. Но вместе они складывались в магическую картинку, которую высвечивала улыбка. Ее-то он и узнал...

Выбираясь из теплого тумана, он в замешательстве разглядывал ее поверх Викиной головы. Никто из гостей не встречал Илью у порога. Они покорно сидели в маленькой гостиной, и у него было время выпросить у жены, чего ждать на этот раз.

– Здравствуйте, Илья Андреевич, – на последний слог ей не хватило дыхания.

– Слушайте, только без «Андреевича»! – взмолился он, уже совсем очнувшись. – Вас как зовут?

– Ася, – произнесла она почти шепотом.

– Боже ты мой! – Илья становился себе все противнее, но маска клоуна уже прилипла к лицу. – Ваша мама так любит Тургенева?

Ася засмеялась, и его опять качнуло во времени. Этот смех Илья помнил.

– Да не особенно, она без ума от Цветаевой. Мое полное имя – Анастасия. А сестру зовут...

Илья не дал ей договорить:

– Ну понятно. Чудные люди бывают, ей-богу! Может, кто-нибудь из моих поклонниц назовет сына Ильей? Да проходите же вы! Садитесь, прыгайте, бегайте! Делайте что угодно. У нас все можно.

– А я рисовой каши сварила, – неожиданно сказала Вика. Он даже не сразу понял, о чем она.

– Что?

– Каши...

В черных глазах мелькнула растерянность: она уже догадалась, что встряла некстати. Илья смотрел в знакомые до последней красной прожилки глаза и явственно ощущал, как в голове у него растекается горячее месиво – густая рисовая каша.

– Я сейчас, – ни на кого не взглянув, он ушел в ванную. Закрыв дверь на шпингалет, Илья пустил воду и, забрав-

шлись на бортик ванны, достал из самого верхнего шкафчика початую бутылку водки. Балансируя на узком поребрике, он открыл ее и сделал несколько глотков прямо из горлышка. Потом продохнул и отпил еще.

«Я становлюсь алкоголиком», – подумал он с безразличием и убрал бутылку. Это не было открытием и не имело большого значения, ведь хуже того, что с ним уже произошло, ничего не могло случиться. Илья закрутил кран, потом снова пустил воду и сполоснул руки. Вспомнив, что в гостиной ждут, он так и скривился от досады: «Зачем явилась? Зачем они еще ходят ко мне? Я же не могу больше говорить. Писать не могу. Петь. Думать. Я просто умер. Неужели никто этого не видит?»

Посмотрев в зеркало, Илья пригладил обеими руками чуть волнистые каштановые волосы и показал своему отражению язык.

– Ну давай! – шепнул он. – А вот и я! Дубль второй. Теперь у тебя получится, ей-богу!

Распахнув дверь ванной так, что она ударилась о стену, Илья вылетел в коридорчик и заорал на весь дом:

– Хочу каши! Да здравствует рисовая каша! Вечная и неизменная, как Вселенная. Если что и поглотит нас всех живо, так это рисовая каша.

Вика выскочила к нему и зашипела – не только голосом, но и глазами, и руками:

– Там же...

– А я не приглашал! – прошипел он в ответ и ткнулся носом ей в щеку. – Сейчас я отобью им охоту шлаться сюда!

– Ты хлеба купил? Илюшка, да ты опять выпил?! Фу! – только и успела она ужаснуться вслед, а Илья уже уселся напротив гостьи – сияющий, распространяющий по комнате токи радости.

– Ну, выкладывайте!

И замолчал, прислушавшись к тому, как от Асиной улыбки по телу забродили пузырьки веселости. «Что это такое, черт побери?» – озадаченно подумал он и спросил:

– Гитара с собой? Нет? Хаврошечка, принеси мою, пожалуйста.

– Зачем? – испугалась Ася.

– Разве вы не собирались мне спеть?

– Нет. То есть... – В ее смехе зазвучала нервозность. – Я вообще не думала, что это возможно.

Отвлечшись, Илья рассеянно отозвался:

– Возможно. Все-таки пишите? Значит, мы одной крови...

И замолчал, привлеченный зрелищем заката за окном. Потом опомнился и снова перевел взгляд на гостью. Теперь она была усеяна огненными и фиолетовыми пятнами.

– Внутри вас бушует пожар, – лукаво заметил он. – Хаврошечка, где гитара? Ах да, петь вы не хотите. А чего ж вы хотите?

Вика наблюдала за мужем с боязливым изумлением. Никогда раньше Илья не позволял себе бесцеремонности по от-

ношению к своим гостям. И ее ругал, если она пыталась на кого-то посмотреть свысока. Он до сих пор помнил, как целый час дрожал у подъезда Окуджавы, но так и не решился войти. И представлял, чего стоит перешагнуть порог...

– Поужинайте с нами, – ласково попросила Вика, пытаясь смягчить резкость мужа, хотя минуту назад и сама была раздосадована этим неожиданным вторжением.

За последние месяцы Вика успела отвыкнуть от них, ведь поток желающих соприкоснуться с жизнью Ильи Романова неожиданно иссяк. Его подавленность, которую муж так неумело пытался скрыть, она именно с этим и связывала. Иногда, дразнясь, жена называла Илью «публичным мужчиной», и в этом была правда: он почти физически нуждался в постоянном подтверждении того, что его помнят и любят. И, зная это, Вика все же не смогла удержаться досады, сообщая мужу о госте, и теперь корила себя за его высокомерие. Может, Илья просто решил угодить ей, чтоб она не дулась за то, что он опять выпил?

– Спасибо, я с удовольствием, – отозвалась Ася, разглядывая клетчатые тапочки, в которые переобулся Илья. – Вот только боюсь опоздать на электричку...

– Так вы не местная? – уже мягче спросил он.

– Нет, – как бы подтверждая слова, она еще и покачала головой.

– Как нашли меня?

Его почему-то всегда это занимало. Но Ася ответила так,

как он и ожидал, не удивив:

– Через клуб авторской песни. Я слышала, что вы живете где-то в Красном Селе.

Илья заявил с совершенно серьезным видом:

– Достаточно было знать, когда я родился, и у вас в руках был бы точный адрес.

– Как это? – Она улыбнулась, как человек, понимающий, что его разыгрывают, но не противящийся этому.

– Я же родился первого мая. Улица так и называется. Дом – девятнадцать, квартира – пятьдесят пять. Если прочесть подряд, получится год моего благополучного появления на свет.

Ася радостно засмеялась:

– А ведь правда! Вот совпадение!

– Никакого совпадения, – строго сказал Илья. – Эту улицу в честь меня и назвали, ей-богу! Хотели окрестить Романовской, но времена были социалистические, а фамилия сомнительная... А вот квартиру выбирали под заказ.

Вика махнула маленькой смуглой рукой:

– Слушайте больше! Он ведь все сочиняет.

– Работа такая, – буркнул Илья.

– Раньше я думала, что вы живете в центре, – сказала Ася. Это всегда задевало его, хоть он ругал себя за снобизм.

– А вы-то откуда?

– Я... сейчас я живу в Городе надежды. Вы, наверное, о таком и не слышали? Там всего несколько домиков.

На мгновение подняв глаза, Ася точно ударилась о холодный взгляд и снова опустила голову. Илья без сожаления подтвердил:

– Не слышал. Выходит, на свете существует Город надежды? У вас там что, секта какая-нибудь?

Ася вспыхнула:

– Никаких сект! И никаких идолов.

– Тогда что же? – Он спросил об этом скорее из вежливости, чем из интереса.

Больше не отводя глаз, Ася невозмутимо пояснила:

– Это община алкоголиков.

Он так захохотал, что ее передернуло. И от самого смеха, которого Ася никогда не слышала и который звучал так, будто Илье приходилось совершать невероятное усилие, чтобы издать этот обычный для человека звук... Но главное, от того, над чем он смеялся.

Успокоившись, Илья взгляделся в нее с интересом:

– Слушайте, так вы врач-нарколог?

– Нет, – коротко ответила она. – Я – алкоголик.

Когда в доме воцарялась тишина, Виктория начинала чувствовать себя неуютно, будто муж заболел у нее на глазах. Она привыкла, что Илья постоянно рассказывает о чем-то, или спорит с кем-нибудь, или просто треплется, как он сам выражался. Даже читая, он то и дело издавал восклицания. А сочиняя, постоянно бормотал под нос.

– Извините, – наконец выдавил он.

Ася улыбнулась. Губы у нее были слишком бледными, но приятного рисунка.

– Да что вы! Это хорошо, что я еще похожа на врача.

– Вполне... Слушайте, а вы меня не разыгрываете? Где ваши мешки под глазами? Дрожащие руки?

Она непроизвольно сжала пальцы и, заметив это, усмехнулась.

– Я не пью уже год.

«Гордится этим, – отметил Илья. – Да, этим можно гордиться, ей-богу! Особенно если запил из-за чего-то... Из-за чего-то похожего».

С прежней легкостью, будто речь шла о пустяках, Ася продолжила:

– И год пишу песни. Это все благодаря вам.

– Мне?!

– В общем-то, я пришла просто сказать спасибо. Это вы меня вытащили.

Он остановил ее жестом:

– Ну-ка, ну-ка, поподробней! И как же я сотворил такое чудо? Госпожа моя, там каша не остыла?

– Я разогрею. – Вика без возражений вышла из комнаты.

Ася проследила за ней, опустил короткие ресницы, потом подняла их и взглянула на Илью с такой радостью, будто наконец-то можно было смотреть не скрываясь.

«Э, нет! – сразу решил он. – Я так не играю».

– Я тогда впервые увидела вас. По телевизору...

– Год назад впервые?! – изумился он. – Да меня тогда уже перестали показывать... Ладно, извините. И что?

– Вы улыбались, пели, разговаривали с залом. А глаза у вас были такие несчастные...

Илья опять с недоверием повторил:

– Год назад? Быть не может...

– Нет, правда!

– Слушайте, я вам верю! Это я так... про себя...

– А что было год назад?

– Вот именно, ничего не было, ей-богу! То же, что и два года назад, и восемь. Ну ладно, увидели вы мои несчастные глаза, и что же?

Пристально посмотрев на него («Не смеется?»), Ася торопливо закончила:

– И я подумала: «Вот человек, который тоже несчастен. Тем не менее он пишет песни, которые делают счастливыми других. Смеется, общается с людьми... И не пьет».

Качнувшись к ней, Илья недоверчиво спросил:

– И это заставило вас бросить пить?

– Ей-богу, – ответила она его присказкой и засмеялась.

Откинувшись на спинку кресла, он покачал головой:

– Слушайте, да это просто рождественская сказочка! Вы не об этом написали первую песню? Ангел с гитарой спустился с небес...

– Нет. О розовом небе, которое гаснет так быстро, что облако не успевает достичь самой яркой полосы.

– И кто же это розовое небо? – Он все примерял к себе.

На этот раз Асин взгляд задержался на нем дольше, но, прежде чем ответить, она отвела глаза:

– Никто.

– Будь по-вашему, – согласился Илья. – Значит, вы пришли просто сказать мне спасибо?

– И пригласить вас... Если возможно... Только заплатить нам нечем. Не обязательно целый концерт! Хотя бы несколько песен. У костра. Я понимаю, что это наглость с нашей стороны – просить о таком. Но... это очень поддержало бы наших ребят. Нет, правда! Они ведь и сами многие пишут. Или рисуют. У нас там такой своеобразный Дом творчества на добровольной основе, – скованно усмехнувшись, пояснила она.

– Нет. Я не смогу, – твердо сказал Илья, борясь с желанием еще раз сбежать в ванную.

Стало заметно, что отказа Ася не ожидала. Оцепенев от неожиданности, она смотрела на него, и щеки ее медленно розовели. «Надо почаще заставлять ее врасплох, тогда к ней вернется нормальный цвет лица». – Илья постарался не усмехнуться.

– Им очень важно знать, что от них не отвернулись... От нас...

– Я все понимаю. Просто не могу.

– Почему?

Он едва не раскрыл рот. Уже давно Илье не доводилось

объяснять причины своих поступков. Но у него тут же родилось готовое оправдание: «Она ведь не для себя старается».

– Слушайте, если я говорю, что не могу, значит, действительно не могу, – раздражение все же прорвалось. – Я ничуть не ломаюсь и не набиваю себе цену. Дело не в оплате и не в... алкоголиках. И уговаривать меня не надо. Слушайте, – Илью внезапно вернуло к началу разговора, – а что с вами произошло, когда вы решили, будто я несчастен? Вы ошиблись тогда, но дело не в этом... Неужели становится легче, если узнаешь, что кому-то так же плохо, как тебе?

– Наверное, так. – Ася смотрела до того серьезно, что невозможно было не поверить.

Он пробормотал с тоской:

– А мне не стало легче, когда вы сказали о своем алкоголизме...

– Это потому, что я для вас ничего не значу.

– Как? А-а-а, понял. Ну да, я ведь живая легенда!

Отвращение прошло по всему телу и отдалось резкой судорогой. Стараясь не выдать себя, Илья сунул руку под колено и, затаив дыхание, попытался сжать кулак. Он так напрягся, что у него вырвался глухой, сдавленный звук. Быстро взглянув на Асю, он убедился – она смотрит на него с ужасом.

– Что... что с вами?

– Хотите, еще полегчает? – болезненный смешок прозвучал, как всхлип. – Вот что со мной!

Он вытащил искореженную болью руку и сунул ее Асе в лицо. Даже не отшатнувшись, она взяла ее и начала с силой разминать, возвращая пальцам жизнь. Когда его рука обмякла и потеплела, Ася спросила как о чем-то естественном:

– Вы тоже пьете, да?

– Да, – горестно сознался он, как мальчишка, пойманный у разбитой вазочки.

– Я сразу это заметила. Когда вы из ванной вернулись... Вы там бутылку прячете? Водка не суррогатная?

– Нет, хорошая. Я прячу несколько за флягой с ацетоном.

Ему стало смешно. Час назад Илья и представить не мог, что способен вести подобный разговор с кем бы то ни было. Тем более с женщиной...

– Вам и сейчас хочется выпить?

– Ужасно. – Он громко вздохнул и усмехнулся. – Нельзя! Тогда станет заметно.

– И сейчас заметно. Ваша жена тоже догадалась.

– Она запах уловила... Слушайте, а что вы там делаете, в вашем Городе надежды? Как лечитесь?

Выпустив его расслабившуюся руку, Ася вздернула прямые плечи:

– Да никак. Все уже пробовали: и кодироваться, и лечиться. Каждый по-своему... Кому-то помогло. А там мы просто строим город. Поселение скорее... И каждый день пытаемся не пить. Всего один день. Можно ведь выдержать? Потом еще один. И еще.

– Это для меня не самая страшная проблема. – Илья сделал пальцами небрежный перебор.

– Вашу руку можно вылечить.

– Наверное, дело уже не в руке. Я соскользнул со своего стержня, вот что.

Подавшись к нему, Ася тихо спросила:

– А что было вашим стержнем?

Из кухни донесся звонкий Викин голос:

– Каша остывает!

Неловкость за жену разлилась по лицу проступающей сквозь кожу кровью. Резко поднявшись, Илья задел бедром Асино плечо и произнес отрывисто, пытаясь отделаться от желания исповедоваться ей до конца:

– Беседа окончена. Пора кашу есть.

– Каша – это хорошо. – В Асином голосе невозможно было различить усмешку. – Я и сама каждый день кашу варю. Нашим ребятам полезно. Когда организм восстанавливается, каша в самый раз.

Виновато улыбнувшись, Илья заговорил другим, ласкающим голосом, так хорошо известным его зрителям:

– Ваши пионеры избрали вас поварихой?

Он легонько подтолкнул Асю к кухне, положив руку между ее лопатками, и они испуганно сошлись, зажав его ладонь. У Ильи вырвался смешок:

– Оп-па! Поймала.

Дернув плечами, она едва слышно пробормотала:

– Извините.

– Не за что...

– Вы что-то... А, нет. Я не повариха. У нас вообще нет никаких обязанностей. Нет, правда! Каждый занимается тем, к чему больше душа лежит.

– Так у вас она лежит к кухне? – Илья продолжал насмешничать, уже усаживаясь за стол.

Сердито прищурившись, Вика громко перемешала масло в тарелке мужа:

– И что здесь плохого?

– Да ничего, – холодно отозвался он, еще не забыв, как жена прервала самый необычный в его жизни разговор. – Для кого-то и каша может стать смыслом жизни.

Уже успевшая устроиться напротив, Ася подняла глаза и посмотрела на него так, будто разглядывала то, что было в его мыслях на самом деле: «Я знаю, нет на земле женщины, для которой смыслом жизни стала бы каша. Но варить эту кашу для человека, в котором воплотился основной смысл Вселенского бытия, – для большинства стало делом жизни. Для мужчины варить. Для ребенка...»

Илья заставил себя выдержать этот взгляд: «Ну, если ты пытаешься угадывать мои мысли, тогда ответь-ка на это...» Его даже озноб пробрал, когда Ася сказала:

– Я варю кашу для всех сразу и никого в особенности. Просто никому не хочется этим заниматься. Но поесть-то они любят! – Она опять засмеялась, и серые глаза повеселе-

ли. – Оставь их без трехразового питания, и половина опять запыет.

Илья процедил:

– Я не запил бы из-за отсутствия каши.

– Откуда вы можете знать? – Голос у нее стал совсем мягким. – Вы ведь всегда получаете ее вовремя.

– Ну хорошо, – сдался он, – а если бы вас не оказалось в этой компании, они что, сидели бы голодными?

– Нет, конечно. Кто-то другой взял бы это на себя. Всегда ведь кому-то приходится выполнять самую нудную работу.

– Не думаю, что я стал бы делать это для посторонних...

– Ты-то, конечно, – буркнула Вика и пододвинула Асе плетеную хлебницу. – Ешьте-ешьте, с дороги же... Вы какие-нибудь лекарства принимаете?

Ответа Илья не услышал. Машинально перемешивая кашу, он пытался извлечь из памяти рамку, в которую естественно вписалось бы Асино лицо. Не давало покоя ощущение, что его разыгрывают и когда-то они действительно встречались с Асей, но об этом помнила только она. Перед ним, как в калейдоскопе, промелькнули, быстро сменяя друг друга, лица студенток обоих институтов, где он учился. Но Ася никак не могла быть одной из них: в тех вузах не было девочек-вундеркиндов.

«Что-то здесь не то, – размышлял он, удивляясь своей подозрительности. – Что-то кроется за ее желанием, чтобы я спел им у костра... Только вот как узнать? Если я начну

пытать ее, она решит, будто у меня развивается паранойя на почве пьянства. Еще и намекнет Вике, что меня пора лечить... А той только идею подай! Ради меня она горы свернет. И не спросит: нужно ли мне это?»

– Мы лечимся, как древние люди, – соками земли, – услышал он Асин голос. – Видели бы вы это место! Левитан жил бы там безвылазно... Одним воздухом можно вылечиться. Весь мир красота вряд ли спасет, но некоторым из нас уже полегчало.

– И вам? – вмешался Илья.

– Мне сейчас так хорошо, вы даже не представляете! – ответила она, так доверчиво раскрыв глаза, будто ждала от него каких-то слов, а Илья не уловил самой сути того, что было сказано. Повторив про себя последнюю фразу, он не нашел в ней ничего особенного.

Она перевела взгляд на Вику:

– Очень вкусная у вас каша получилась. Вы сразу в молоке варите или сначала в воде?

«Ее ведь это ничуть не интересует. – Он почему-то опять разозлился, но заставил себя наконец попробовать рисовое месиво. – Кому нужны эти хорошие манеры?!» Он и сам был приверженцем хороших манер, просто сейчас ему так хотелось выпить, что не терпелось наброситься на кого-нибудь.

«Если я снова отправлюсь в ванную, она сочтет меня законченным алкоголиком, – угрюмо рассуждал Илья, чуть не давась кашей. – О! Надо вызваться проводить ее до станции,

а на обратном пути где-нибудь куплю».

Ася уже приглашала его жену побывать в их Городе надежды, и удивление неприятно царапнуло Илью: «Это еще зачем?»

– Мы ничего не обещаем, – промямлил он, не позволив Виктории ответить. – Видно будет.

А сам уже решил: «Никуда я не поеду. Мне на себя-то противно смотреть, а там таких, как я, целый выводок...»

Асе он ничего не сказал. Ему вообще было трудно разговаривать в тот вечер. Много лет назад Илья раз и навсегда определил для себя: его мысли – это одно, а слова – совсем другое. Такое решение пришло оттого, что говорить приходилось в основном с Викой, и он боялся, вдруг она заскучает, если пуститься в рассуждения о вещах, которые действительно волновали его. Когда Илья впервые решился спеть ей собственную песню, она выслушала его с недоумением и расхохоталась, задорно хлопая себя по голым коленкам, от которых он не мог отвести глаз:

– Ты сам-то понял, о чем спел? Ой, не могу... Головоломка какая-то! А мне сейчас, знаешь, какая песня нравится? «В каждой строчке только точки...»

Но этого Илья уже не расслышал, ведь его трясущаяся рука наконец добралась до ее колена...

С тех пор он дал себе слово не забивать голову ни жене, ни кому другому всякими «заумностями», как отзывалась об этом Вика.

Глава 3

Я ведь собиралась рассказать, как он очутился в нашем Городе надежды... Я пришла к нему. Вот как просто это звучит. Человек приходит к человеку, и это не обязательно главный шаг в жизни. Но в моем случае это было именно так. Один шаг, тысячекратно проделанный в воображении и сотни раз после... Куда до него пресловутому айсбергу с его десятой частью над водой! Один шаг через порог незнакомой квартиры (я не скажу: чужой!), а за ним тянется темный след длиной в год и глубиной в девять тысяч прожитых мной ночей. И тяжесть его, бесшумного, измеряется не пудами и даже не тоннами. Его вес исчисляется космическими числами, потому что, когда ты делаешь свой главный шаг, на твои плечи неслышно опускается тяжесть Вселенной. А шлейфом тянется неизмеримость земной истории, из которой нам известна лишь толика. Но в тот переломный момент гигантская временная протяженность, которую невозможно охватить разумом, стремительной спиралью скручивается в ослепительную точку, и жгучая искра вливается в твое сердце.

Тебе кажется, что это страх перед неизвестностью, а на самом деле – волнение бессмертной Мировой Души, которая сейчас в тебе, в твоем шаге может получить развитие настолько великое, насколько велика любовь, выношенная тобой. Любовь не вспыхивает в нас божественным огнем и

не обрушивается с дьявольской мощью. Мы сами выращиваем ее, заботливо пестуя, и умиляемся новизне и свежести проснувшегося чувства. И, как правило, упускаем момент, когда младенец становится велик настолько, что упирается в сердце, заставляя его остановиться. Тогда человек пугается и просит о помощи, как я у вас, но уже поздно – не предотвратить момент, когда плод разорвет ненужный ему кокон. Ведь душа переросла тело и рвется наружу.

Такую любовь, как моя, нужно или травить в зародыше, или выпускать на волю, жертвуя собственным телом. Не выходите на тропу любви, если хотите сберечь свою жизнь.

Электричка везла меня в Петербург так долго, что я успела прожить несколько жизней. И в каждой мечтала увезти его в Город надежды. Я всем твержу, будто мы сооружаем его для себя, на самом же деле я с первого дня строила его для Ильи. Куда еще можно заманить человека, у которого все есть для счастья? Я должна была потрясти его чем-то, чтобы он хотя бы заметил меня. Тогда я и решила создать небывалый город в волшебном месте, где сбываются мечты, и втайне надеялась, что моя окажется первой...

Колеса громыхали на стыках, и сердце подпрыгивало вместе с ними. Оно сочилось страхом, мне казалось, я качусь к пропасти... Откроется дверь его квартиры, и я рухну в небытие. Ведь невозможно поверить в то, что я на самом деле пожму его руку. Буду разговаривать с ним. Спою ему песню о

нем... В воображении я проделывала с ним и не такое, но кто из нас не летал среди звезд?

Руку ему я так и не пожалала, ведь моя ладонь от волнения стала такой мокрой и холодной, что Илью передернуло бы от прикосновения. Голос обрел металлическое звучание, а фразы выходили как у скучной канцелярской крысы, которая в жизни не слышала его песен. Даже свой главный козырь – «Я живу в Городе надежды» – выложила таким тоном, что у самой свело скулы. Почему Илья заинтересовался этим – необъяснимо.

Каждую секунду я удивлялась тому, что еще жива и сердце работает ровно, точно существует отдельно от меня. Я же сама находилась в двух реальностях одновременно: в той, которую ночь за ночью выстраивало мое воображение, и в этой – отличавшейся деталями обстановки и одежды, но не моим состоянием, до того близким к обморочному, что приходилось держаться даже несколько вызывающе, лишь бы никто ничего не заметил.

Под «никто» я имею в виду прежде всего его жену, хотя и понимаю, как несправедлива. Эта женщина годами оберегала того, чью руку я готова была целовать, даже если бы он ударил меня по лицу. Его рука была священна уже тем, что рождала звуки, от которых могли бы заплакать и травы, и звери, если бы Господь наделил их умением плакать. Я мысленно говорила о его жене «никто» лишь потому, что ее никогда не было в моих фантазиях, и мне требовалось вре-

мя, чтобы привыкнуть к ее существованию. Со всех сторон в меня заползали бытовые подробности их жизни, в те минуты казавшиеся ненужными, лишними. Теперь же я смакую каждую, высасывая тепло его пальцев: засушенный морской конек на книжной полке, глиняная мышка с огромными ушами, вишневая от старости роза в пивной бутылке – дань памяти Окуджаве, маленький картонный кораблик («У него есть ребенок?»).

Детей оказалось даже двое. Как в любой безупречной семье – мальчик и девочка. Я видела их только на фотографии, где Илья, сияющий, как тогда на сцене, держал обоих (совсем взрослых!) на коленях. Август они проводили в каком-то молодежном лагере. Я не стала спрашивать ни его названия, ни имен дочери и сына, чтобы Виктория не подумала, будто мне непременно нужно влезть в их жизнь до самого основания.

За ужином мы больше говорили о Городе надежды. Почему-то мне казалось, что любые слова застрянут в той рисовой каше, которую мы ели. Очень вкусной каше. Видимо, Илья чувствовал нечто подобное и никаких вопросов не задавал. Он вообще больше молчал, разглядывая размякшие крупинки так внимательно, словно читал по ним печальный рассказ о китайских сборщиках риса.

Мне показалось, жена его сидела как на иголках. Она то и дело спрашивала меня о чем-то, но ответов не слушала, и я чувствовала себя старой маразматичкой, разговаривающей с

тишиной. Ее интересовали вещи, совершенно друг с другом не связанные, и она просто загоняла меня в тупик. Я подумала, что Виктории тоже не помешало бы пожить в нашем Городе надежды.

Это я и предложила, когда с кашей было покончено. Втайне я надеялась, что на ее уговоры Илья поддастся скорее, а мне было все равно, будет Виктория рядом или нет. Целый вечер смотреть на него сквозь пламя костра и слушать его голос – какой праздник жизни! Пусть поблизости порхает яркая бабочка, в сравнении с которой я – блеклый мотылек... Нам хватит одного огня и для жизни, и для смерти.

Но оказалось, предстоит еще больший праздник – Илья вызвался проводить меня до вокзала. Вика не выказала ни малейшего желания посетить наше поселение, а Илья только вяло пробормотал, что ему надо подумать. Я уже решила, будто все кончено и мне только остается вобрать его напоследок всеми порами, пропитаться теплом, запахом и жить этим, сколько Бог даст... Наверное, что-то изменилось в моем лице – Илья словно очнулся и торопливо заверил:

– Слушайте, я еще не сказал «нет»! Вы же понимаете, все не так просто...

Он часто повторяет: «Слушайте...» Это звучит скрытой мольбой: «Слушайте меня! Как мне жить, если вы перестанете меня слушать?!» Я слушала бы его вечность, лишь изредка вставляя какие-нибудь восклицания, чтобы он не забывал о моем присутствии. Так и было, пока мы шли с ним

по незнакомому мне Красному Селу. Я пыталась запомнить его слова, но больше слушала голос – негромкий, певучий. Стал он таким со временем или был с самого детства?

Мне все хотелось выведать о нем, узнать имя матери, услышать первые стихи, просмотреть семейные альбомы, которые так раздражают обычных гостей. Я заполнила бы его детскими ликами свое бесплодное нутро и вынашивала бы бесконечно долго, оттягивая трагический момент отторжения от материнского тела. А потом я нянчила бы его, целомудренно касаясь губами только лба и щек. Фантазия может обрести плоть, если ты отдашь ей свою целиком. По-настоящему я ни с кем себя не делила – у меня не могло быть детей. Я принадлежала Илье от макушки до пяток. Только он об этом не знал...

Мы шли против ветра, и у меня все время слезились глаза. Редкие фонари проспекта расплывались желтыми пятнами, в которых лишь смутно угадывались очертания. Малоизвестный прекрасный город погружался в ирреальность оттого, что по нему шел человек, никак с реальностью не связанный. Он этого и не подозревал, но был весь – каждым кровеносным сосудом, всеми мышцами – порождением моей фантазии. Разве Илья Романов существовал отдельно от меня? Даже если он ходил, ел, спал и занимался сексом, его не было на самом деле. Только моя любовь могла оживить его, ведь и первый человек был всего лишь куском глины до того, как Бог вдохнул в него любовь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.